

**Институты, иерархия
и паства православной
церкви на Балканах в
XVII–XVIII веках в свете
новых документов
Османского архива
в Стамбуле**

[Рец.: Мутафова Красимира,
Калицин Мария, Андреев
Стефан, *Православни структури
на Балканите през XVII–XVIII
век съгласно документи от
Истанбулския османски архив*,
Велико Търново: Абгар, 2019,
672 с.]

**Дмитрий Игоревич
Полывянный**

Ивановский государственный
университет
Иваново, Россия

**Institutions, Hierarchy, and
the Flock of the Orthodox
Church in the Balkans
in the 1600s and 1700s as
Shown by New Documents
from the Ottoman Archive
in Istanbul**

[Rev. of: Mutafova Krasimira,
Kalitsin Maria, Andreev Stefan,
*The Orthodox Structures in the
Balkans during the 17th–18th
Century according to Documents
from the Ottoman Archives in
Istanbul*, Veliko Tarnovo: Abagar,
2019. 672 p.]

Dmitry I. Polyvyannyu

Ivanovo State University
Ivanovo, Russia

Резюме

Более двухсот документов фонда «Епископские дела» (Piskopos Kalemi) государственного Стамбульского османского архива при Канцелярии премьер-министра Турецкой Республики (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri), впервые

Цитирование: Полывянный Д. И. Институты, иерархия и паства православной церкви на Балканах в XVII–XVIII веках в свете новых документов Османского архива в Стамбуле // *Slovëne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 461–474.

Citation: Polyvyannyu D. I. (2020). Institutions, Hierarchy, and the Flock of the Orthodox Church in the Balkans in the 17th–18th Centuries in the Light of New Documents from the Ottoman Archive in Istanbul. *Slovëne*, Vol. 9, № 2, p. 461–474.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.17

публикуемые болгарскими учеными-османистами Красимирой Мутафовой, Марией Калицин и Стефаном Андреевым, освещают многообразную практику взаимодействия православных церковных институтов на Балканах с османскими властями за период с 1684 по 1788 гг. В рецензии рассматривается типология публикуемых документов и сообщаемая ими информация о деятельности Константинопольской, а также вошедших в нее в 1757–1758 гг. Охридской и Печской патриархий по сбору налогов и податей с православных подданных балканских провинций Османской империи. Акцент делается на данные о полномочиях церковных институтов в отношении христианского населения, конфликтах с османскими властями и в среде высшего православного духовенства. Отмечена важность сведений об отдельных иерархах и данных о границах и центрах епархий. Публикация дает обширный материал для исследования статуса и функций православной иерархии в административной системе Османской империи XVII–XVIII вв.

Ключевые слова

Османская империя, Константинопольская патриархия, Охридская архиепископия-патриархия, Печская патриархия, XVII–XVIII вв., налоги, берат

Abstract

More than two hundred documents from the “Bishops’ files” (Piskopos Kalemi) Collection at Istanbul Ottoman Archives at the Chancellery of the Prime Minister of the Turkish Republic (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri), recently published for the first time by Bulgarian scholars of Ottoman Studies Krassimira Mutafova, Maria Kalitsin and Stefan Andreev, reveal multifaceted practices of Orthodox Balkan church institutions’ interactions with the Ottoman authorities from 1684 to 1788. The review deals with the typology of the published documents and the information they contain regarding the fiscal activities of the patriarchy of Constantinople and the patriarchies of Ohrid and Peć (which were incorporated into the Constantinople patriarchy in 1757–1758) towards their Orthodox flock in the Balkan provinces of the Ottoman Empire. The accent is made towards conflicts between the church institutions and the Christian population, as well as contradictions within the higher Orthodox clergy. The importance of personal information on some hierarchs and of data concerning territories and centers of the dioceses is underlined. The author concludes that the reviewed publication provides abundant material for research on the status and functions of the Orthodox hierarchy in the administrative system of the Ottoman Empire in the 17th and 18th centuries.

Keywords

Ottoman Empire, Constantinople patriarchate, Archbishopric (Patriarchy) of Ohrid, Peć patriarchate, 17th–18th centuries, taxes, berat

Высокий авторитет болгарской османистики в мировой и европейской исторической науке, заслуженный многолетней разработкой богатейшего на Балканах собрания османских документов и рукописей Национальной библиотеки «Свв. Кирилл и Мефодий» в Софии, со второй половины прошлого века продолжает укрепляться трудами по поиску и исследованию османских документов в турецких архивохранилищах. В рецензируемый тематический сборник документов из государственного Стамбульского османского архива при Канцелярии

премьер-министра Турецкой Республики (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri¹) вошли 229 из почти пяти тысяч документов фонда «Епископские дела» (Piskopos Kalemi)², изученных в 2005–2006 гг. Красимирой Мутафовой, профессором Велико-тырновского университета «Свв. Кирилл и Мефодий». Ей принадлежат переводы почти трети вошедших в книгу текстов на болгарский язык, а также вводная и историческая части обширного, имеющего самостоятельную научную ценность предисловия к сборнику (с. 27–107). Остальные разделы предисловия и переводы источников выполнены видными болгарскими османистами — доцентами Стефаном Андреевым, долгое время возглавлявшим Рукописно-документальный центр Национальной библиотеки «Свв. Кирилл и Мефодий», и Марией Калицин, переводчиком на болгарский язык и издателем многих османских хроник и документов. Переводы расположены в хронологическом порядке, их сопровождают комментарии, исторические и просопографические заметки, ссылки на научную литературу. В издание включены факсимиле оригиналов 43-х документов, три указателя — предметно-тематический, географических названий и личных имен, а также краткий глоссарий османских правовых, фискальных и других терминов.

Из более чем столетнего периода, который охватывает публикация, к концу XVII в. относятся 16, к первой половине XVIII в. — 153, и ко второй половине XVIII в. — 60 документов. Согласно принятой в болгарской османистике классификации составители подразделяют вошедшие в сборник канцелярские акты на уведомительные, распорядительные и служебно-административные. Большинство публикуемых документов принадлежит к двум первым видам. Донесения на высочайшее имя — *арз*³ — (№ 17, 64, 67, 205 и др.) могли направлять высшие османские служащие, такое право принадлежало и константинопольскому патриарху (№ 9). Наиболее часты личные (*арзухал*) и коллективные (*махзар*) петиции, выполненные османскими писцами в соответствии с формуляром султанской канцелярии со слов православных заявителей (среди языков, на которых излагались просьбы, судя по транскрипции имен и терминов, преобладал греческий, присутствовали сербский, болгарский и валахско-молдавский — с. 45–46). Большинство индивидуальных заявителей составляли предстоятели Константинопольской, Охридской⁴ и Печской⁵ патриархий, а также поставленные ими

¹ Здесь и далее современные турецкие термины в скобках приводятся по-турецки латиницей, а османские канцелярские термины транскрибируются кириллицей как в рецензируемой книге.

² Фонд отражает делопроизводство одного из подразделений центрального финансового ведомства Османской империи (Дефтерхане) — Пископос мукатаасы калем (букв. — Канцелярия доходов от епископских откупов).

³ Здесь и далее в круглые скобки заключены номера документов и номера страниц рецензируемой книги [Мутафова et al. 2019]. Курсивом без кавычек даны термины османской канцелярской лексики. В цитатах термины приводятся без курсива и могут склоняться.

⁴ Первоиерархи Охридской архиепископии, созданной императором Василием II (976–1025), в византийское время титуловались «патриархами всей Болгарии» и использовали этот титул до отмены церковной автономии Охрида в 1767 г. [Снегаров 1995, 1: 301–303].

⁵ Епархии Сербской Православной церкви после падения Сербского деспотства в 1459 г. были подчинены Охридской архиепископии-патриархии, но в 1557 г.

митрополиты и епископы. *Махзар* мог быть составлен на основе синодальных постановлений (№ 33, 85, 98, 200) или от имени монастырской братии (№ 66), коллективным просителем также могли выступать прихожане духовного лица (№ 64), «вся райя санджака Видин» (№ 73), «райя казы Загра-и атик» (№ 96) или «негодующая райя Охрида» (№ 205). Изданные в ответ на обращения султанские распорядительные акты (*ферман*, *хюкм*) в оригиналах представлены всего несколькими документами (№ 10, 40, 76, 81, 156), однако о содержании им подобных позволяют судить копии и многочисленные маргиналии (*деркенар*) на всех прошениях, включающие ссылки на документы, комментарии и резолюции османских чиновников, подписи должностных лиц, указания на издание распорядительных документов. Некоторые документы представляют собой проекты (в терминологии составителей, «концепты» — № 109, 127, 132 и т. д.) и сводные выписки из султанских указов, включая бераты (№ 150, 155), которыми подтверждались полномочия православного духовенства. Так, выписки за 1720–1724 гг. (№ 86) подробно перечисляют обязанности константинопольских патриархов со ссылками на предшествовавшие им бераты. В сборник также вошли административно-финансовые документы: приходно-расходные описи, выписки из них и отдельные записи (*сурет*⁶), сокращенные приходные книги (*иджмал* — № 27, 120) и расписки (*темессюк*) о перечислениях собранных налогов в казну (№ 1, 14, 17, 35 и др.). Замыкает собрание документ 1786 г. — османский перевод с греческого обращения патриаршего синода (*джемаат-и метреполидан*) о необходимости подчинения Константинополю незаконно назначенного молдавского митрополита Леона Геукэ (1786–1788) с перечнем епархий, которые вошли в патриарший диоцез после отмены автономии Охридской и Печской церквей в 1766–1767 гг. (№ 229).

Задача нижеследующих заметок о сборнике — оценить значимость изданных документов для воссоздания цельной и всесторонней картины социально-политического положения православного духовенства и населения в рамках обширного балканского региона, охватывающего территории современных Албании, Болгарии, Греции, Сербии, Турции и Северной Македонии, и обозначить возможность использования публикуемых источников для решения некоторых спорных проблем статуса, положения и социального поведения православных подданных Порты в критический для Османской империи период между поражениями в австро-турецкой войне 1683–1699 гг. и в русско-турецких войнах второй половины XVIII в.

усилиями великого визиря Мехмеда-паши Соколлу (Соколовича), серба по происхождению, на основании фермана султана Сулеймана I Кануни (1520–1566) была восстановлена сербская Печская (Ипекская) патриархия, куда вошли сербские и некоторые болгарские епархии, ранее входившие в Охридскую архиепископию и Константинопольскую патриархию, а также Сремско-Белградская епархия, образованная на завоеванных Сулейманом I за Дунаем землях Венгерского королевства [Шулетић 2011].

⁶ *Сурет* — наиболее общее название финансово-отчетных документов; в зависимости от характера документа (опись; выписка, приходно-расходная книга и пр.) это название могло включать конкретизацию: *сурет-и дефтер*, *сурет-и дефтер-и хакани*, *сурет-и рузнамче* и др. Благодарю за данное уточнение проф. К. Мутафову.

В рамках отмеченных выше видов документы подчинены строгому формуляру, в котором уникальная фактическая информация составляет лишь небольшую часть, и это создает впечатление монотонности и повторяемости упоминаемых ситуаций. Однако дать важный материал для общей картины способны и некоторые детали формуляра. Например, обращает на себя внимание многочисленность и разнообразие отсылок к прошлому. Часто «старым» называют время правления предшествовавшего султана или предыдущий срок полномочий иерарха. Важным хронологическим рубежом является время австро-турецкой войны 1683–1699 гг., когда так называемый «старый» *пейшекеш* (взнос в казну за право собирать церковные подати) православных патриархов был снижен для Охрида и Печа со 100 тысяч *акче* до 60 и 70 тысяч *акче*. Ссылки на «старый обычай» («наш обычай» или «традицию») в прошениях иерархов отмечали преемственность установлений османского времени в канонических вопросах, требованиях, наследовании и семейно-брачных отношениях от «старого времени» или от «завоевания греков и сербов» (№ 11, 28). Развернутая четырехчленная формула обоснования размеров податей в распорядительных документах «старым обычаем», существовавшим до завоевания, османским законом (*канун*), текущей налоговой описью (*дефтер*) и личной жалованной грамотой от правящего султана (*берат*) объединяла наследие прошлого и практику настоящего. На наш взгляд, за этой формулой стоит сложная и многозначная структура традиционных для османского правового сознания представлений о временном континууме принятия и реализации политических и административных решений. Считая себя наследницей Халифата, Высокая Порта исходила из традиций исламского права *зимми*, т. е. немусульман – приверженцев авраамических религий, которые уплачивали в знак подданства *джизье* – подушевой налог на иноверцев (высшее духовенство было от него освобождено) – и принимали покровительство и защиту султана в рамках дарованных им прав [Мутафова 2013: 20–32]. Объем и содержание последних могли быть установлены и скорректированы в отношении отдельных лиц, территориальных или иных сообществ текущими законодательными и судебными решениями.

Документы показывают, что практика налогообложения являлась средством интеграции церковной иерархии в административные структуры Османской империи и одной из «точек сборки» православного сообщества как административно-правовая категория. Например, как отмечает К. Мутафова, высший суд – султанский *диван* – последовательно принимал отрицательные решения по просьбам различных групп православных *зимми*, которые стремились избежать церковного налогообложения, ссылаясь на свой особый статус (например, *дервентджи* – стражи дорог и ущелий – № 94) или принадлежность к *вакуф* – не облагаемой налогами собственности религиозных и благотворительных организаций (№ 57, 87, 162). В течение XVIII в. нарастает число сведений об уклонении от уплаты церковных податей православных, работавших на владельцев хозяйств, фактически выведившихся в частное пользование (*цифтлик*), и членов профессиональных сообществ (№ 83). Такие решения принимались и в отношении низшего православного духовенства, предпочитавшего уплату *джизье* церковным налогам, и относительно отдельных *зимми*, решавших семейно-брачные вопросы не в рамках приходов и епархии, а в шариатском суде (с. 65).

Наряду с *зимми* в документах фигурируют и другие термины для обозначения православного населения вкупе с другими немусульманами: пасомые (*райя*), неверные (*кяфире*), сообщество неверных (*кяфире тайфеси*); как конфессии православных употребляются термины *гит* и, намного реже, *насаран* (*миллет-и насара*, *тайфе-и насрание*). *Насара* применяется к христианам обеих конфессий — православной и католической. Единичны случаи этнического выделения болгар и влахов (№ 168), сербов (№ 11), а этноним греков чаще всего поглощается общими определениями *зимми*, *кяфире* или *рум*. Что касается термина *миллет*, то он применяется и к конфессии, и к богослужению (№ 64, 67), и к общностям (№ 66, 198).

Дискуссия о «*рум миллети*», начатая в конце прошлого века [Papademetriou 2015: 19–41] в исторической литературе, не завершена, и в ее рамках документы сборника, относящиеся ко времени упадка Османской империи, во-первых, не подтверждают тезис о завершении формирования данного правового понятия к концу XVIII в. и, во-вторых, косвенно указывают и на продолжающуюся институционализацию *рум миллети*, и на сложные процессы самоидентификации различных этнических групп православного населения с принадлежностью этой правовой категории.

Документы сборника подробно освещают статус и функции Константинопольской, Охридской и Печской патриархий, их предстоятелей и иерархов в административно-фискальной системе Османской империи. Приводимые в них сведения могут служить аргументами в пользу активно развиваемого в современной историографии тезиса о приоритете сбора церковными иерархами на своих канонических территориях налогов в пользу казны (*ильтизам*) над представительством интересов своей паствы перед османскими властями [Papademetriou 2015: 41–62]. Термином *ильтизам* в документах обозначаются как фискальные полномочия иерархии, так и сами территории с их немусульманским населением («епископами, священниками и подданными» (*райя* или *зимми*)). «Патриархи неверных» (*кяфиреси патриги*, *патрик-и-кяфире*) в Константинополе, Охриде или Пече, поставленные ими митрополиты и подчиненные последним епископы фигурируют в документах как *мюльтезим* — откупщики налогов, выплатившие в казну *пейшекеш* и получившие от султана удостоверяющий их полномочия *берат*. Их диоцезы фигурируют в документах как предоставленная им в аренду государством *муката'а* — объект налогообложения и источник поступления налогов.

Перечень налогов и податей, на сбор которых получали право церковные иерархи и их уполномоченные, был обширен и включал как платежи, история которых уходила корнями в доосманскую эпоху, так и сборы, установленные османами. В пользу православной церкви взималось по 12 *акче*⁷ серебром с каж-

⁷ Денежная система Османской империи на Балканах в охватываемое сборником время претерпевала важные изменения. Чеканка серебряной монеты (*акче*) была прекращена, но *акче* осталась единицей исчисления налогов и была увязана с введенными в 1690 г. новыми денежными единицами — *куруш* (120 или 160 *акче*, назван по немецкому и польскому термину «грош», обозначавшим серебряную монету) и *пара* (3 или 4 *акче*). Условная мера золота — *алтун* — была равна голландскому талеру «со львом» (*эседи куруш*) и составляла 120 (иногда 160) *акче*. При этом в различных сделках и платежах применялись различные курсы [Pamuk 2000].

дого дома *зимми* и по 2 *алтун* (один в пользу соответствующего патриарха и один — в пользу местного митрополита) с каждого священника в год. Пошлиной в 1 *куруш* облагалось заключение христианами первого брака, при заключении второго и третьего пошлина соответственно возрастала в два и в три раза. Временно (видимо, в связи с демографическими потерями) этот сбор мог снижаться вдвое. Особыми податями были обложены ярмарки, монастыри и освященные источники. Патриархи, митрополиты и епископы были уполномочены получать выморочное имущество умерших православных священников, монахов и прихожан целиком (если оно превышало 5000 *акче*, то передавалось в султанскую казну), а от наследства, оставленного родственникам *зимми*, — получать треть по завещанию. В состав собираемой патриархами дани (*муката'а*) входили сборы за забой скота (*зарар-и-касабие*), сбор милостыни на пропитание неимущих (*зейте*) и приходского духовенства (*тасаддук*), сбор средств на обеспечение деятельности иерархов (*патакья, владычина*). Во время войн, которые велись практически постоянно, собирался налог на встречу войска (*имдадие*). Для осуществления функций сбора налогов православные иерархи всех уровней имели право назначать из своих единомышленников уполномоченных-мирян. Эти уполномоченные, как и сами духовные лица, могли носить во время исполнения своих функций особый жезл — знак своих полномочий, особую одежду; иметь оружие и ездить верхом.

С конца XVII в. для значительной части собираемых в казну средств определялись конкретные предназначения. Так, *нешкеш* и равный ему ежегодный взнос Константинопольской патриархии шли на закупки мяса, поставляемого ко двору на прокорм *бостанджи* — многочисленного персонала и охраны султанских садов и огородов. Печская патриархия «отвечала» за содержание *чауш* (придворной стражи), *нешкеш* Охрида шел на зарплаты гарнизонам определенных крепостей, взнос святогорского Прота — на полотно для все тех же *бостанджи* (№ 14) и пр. Особо следует упомянуть случаи, когда собранные средства были предназначены приближенным к султану христианам — например, придворному ювелиру Константину (№ 10). Видимо, переход на исчисление налогов конкретными потребностями, как их уплата натурой — зерном, полотном и одеждой, были связаны с инфляцией, изменениями в денежной системе и порчей монеты. В конце XVII в. из-за демографических потерь *нешкеш* митрополитов и епископов, а также пошлины на первый, второй и третий браки, заключаемые православными, временно снижались (№ 40). Вместе с тем на протяжении всего XVIII в. повышение взносов оправдывалось ссылками на «старый» *нешкеш* (№ 167 и др.).

Сербский историк Н. Шулетич, помещая сам термин «патриархия» в кавычки, полагает, что фискальная и каноническая стороны полномочий духовенства были отдельными, а вселенская патриархия и диоцезы Охрида и Печа до их подчинения в 1766–1767 гг. Константинополю являлись прежде всего османскими фискальными институтами, лишь использовавшими названия патриархий [Шулетич 2010]. В то же время автор одного из самых детальных исследований налоговых функций православного духовенства М. Кенаноглу подчеркивает, что османские фискальные документы отражают лишь одну сторону проблемы и не исключают автономии практик конфессионально-культурного характера [Kenanoğlu 2011: 17–38].

На наш взгляд, амбивалентность роли православных церковных институтов в Османской империи в публикуемых документах отражена отчетливо и

недвусмысленно. Ее, как отмечают издатели, подчеркивает различие османских и греческих надписей на печатях иерархов (с. 74–75). Разумеется, известный вывод С. Рансимена о власти Константинопольского патриарха как «этноарха» православного народа «столь же абсолютной», как его канонические полномочия [Рансимен 2006: 179], в этом свете невозможно ни поддержать, ни, тем более, распространить на предстоятелей Охридской и Печской патриархий. Вместе с тем документы, во-первых, изобилуют свидетельствами участия православной райи и крупных заемщиков, в том числе мусульман (№ 55, 56, 71), в выдвижении не только митрополитов и епископов, но и патриархов. Зафиксированы случаи протестов православного и мусульманского населения против одних иерархов и в поддержку других (№ 205). Вместе с тем *хюкм* султана Ахмеда III (1703–1730) от 12 июля 1716 г. именует константинопольского патриарха Иеремию III «примером для подражания эмирам христианского народа» (№ 76), явно имея в виду не только его фискальные обязанности. Двое из печских патриархов — Арсений III Черноевич в 1690 г. (№ 8) и Арсений IV Йованович-Шакабента в 1737 г. (№ 102, 103, 109), в ходе австро-турецких войн были вынуждены взять на себя роль не только духовных, но и этнополитических вождей сербов — переселенцев за Дунай. Документы о закреплении Киевской митрополии в каноническом ведении Московской патриархии сообщают, что константинопольский патриарх Дионисий IV (пять понтификатов между 1671 и 1694) наряду с решением канонических вопросов поднимал в переговорах с Москвой и сугубо мирские проблемы, например, о налогообложении греческих купцов в России или о получении долгов с укрывшихся в российских владениях недобросовестных заемщиков-греков [Воссоединение 2019: 744, 785, 866, 870].

Характерна особенность, подмеченная составителями сборника, — трафаретная формула подписи константинопольского патриарха «Раб, действующий патриарх православных (*румлян патриги*) в Стамбуле» после поглощения Константинопольской патриархией диоцезов Охрида и Печа в 1767–1768 гг. заменяется на «Православный патриарх в Стамбуле и пребывающий в столице патриарший синод» (имена патриархов во втором случае последовательно опускаются — № 199, 203, 206, 207 и др.). Еще один важный нюанс — в султанских указах столица именуется «богохраняемая резиденция Константина» (№ 40, 81, 87, 156), а в прошениях от имени патриарха последовательно употребляется название «Стамбул».

Иными словами, в совмещении высшими иерархами функций сбора налогов и податей с выполнением своих канонических обязанностей документы позволяют видеть сочетание двух статусов, позволявшее амбивалентное прочтение патриарших полномочий. Отсутствовавший в шариатском праве патриарший, митрополичий или епископский сан получал официальную трактовку в османском праве через *илтизам*, а в требованиях к личности откупщика церковных податей включались необходимые для исполнения пастырских обязанностей качества. Во многих документах подчеркивается, что священнослужители всех уровней должны быть сведущими в вопросах веры и церковных делах, а также добросовестно исполнять свои духовные обязанности в отношении паствы (№ 82, 85, 145). Возведение во епископа, как и выборы митрополитов и патриархов, должны были совершаться в соответствии с каноническим правом, а в случаях, если духовное лицо

не обладало необходимыми знаниями и опытом богослужения и отправления треб, на что жаловались прихожане (не исключено, что часть таких жалоб могла быть наветом), долгом вышестоящего иерарха в связи с принятыми обязанностями было отрешение «негодного» священнослужителя от должности и лишение его сана [Konortas 1999: 169–180]. Документы упоминают такие меры, принятые в отношении духовных лиц по жалобам населения или по инициативе вновь назначенного патриарха, причем и в тех, и в других случаях важны не столько сами обвинения в некомпетентности, сколько их использование в качестве аргумента перед османскими властями для отрешения от должности или сана неугодных лиц (№ 20), даже патриархов (архиепископов) Охридских (№ 64, 85). При этом перечисленные выше меры применялись вышестоящими иерархами к епископам и священникам, не собиравшим установленные подати в срок и в полной мере. Священники и епископы, не собравшие установленных сумм, не только лишались храмов, передаваемых другим, но и могли быть «расстрижены», о чем свидетельствуют более 50 *арзухал*, изданных между 1686 и 1728 гг.

И канонические, и фискальные полномочия константинопольского патриарха или его собратьев в Охриде и Пече с подчиненными им митрополитами и епископами начинались только после уплаты *нешкеш*. Первоначально Мехмед II Фатих в 1454 г. сам преподнес патриарху Геннадию Схоларию 1000 золотых по случаю его инвеституры. Эта практика со временем трансформировалась в обратную — дар от имени патриарха вручался султану по случаю инвеституры аналогично византийскому «дару за хиротонию» (*χειροτονίας δίδμενα*) [Бердников 1907]. Быстро увеличению суммы до 2000 золотых способствовала во второй половине XV в. конкуренция влиятельных христианских спонсоров — кандидатов на патриарший престол. В XVI в. *нешкеш* был институционализирован как взнос в казну, который, в свою очередь, делал необходимыми денежные и натуральные сборы с прихожан и низшего клира. В конце XVII в. *нешкеш* Константинопольской патриархии составлял около четырехсот тысяч *акче*, Ипекской и Охридской патриархий — 70 и 60 тысяч *акче*. Суммы для двух последних были снижены относительно «старого» *нешкеш* в 100 тысяч *акче* в связи с бедственным положением в 1690 г., однако османские власти в отдельных случаях возвращались к прежним суммам. Так, взнос в 100 тысяч *акче* был установлен будущему охридскому архиепископу Герману, чье первое избрание в 1688 г. проходило в конфликтной обстановке (№ 7). Монастыри Афона вносили в казну 120 тысяч *акче*, получая взамен подтверждение своих прав византийского времени на сбор податей с расположенных вблизи сел и угодий, а также на сбор милостыни и получение даров от богомольцев (№ 14, 27).

Сбор церковных податей, с одной стороны, был аналогом византийского каноникона и продолжал традиционную практику, а с другой — был обоснован необходимостью вернуть деньги, затраченные на первоначальный *нешкеш* и равный ему ежегодный обязательный взнос в казну (*отсек*). На практике, как указывают составители сборника, существовал постоянный дефицит церковных бюджетов всех уровней, и неспособность вовремя внести *отсек*, как и выгода властей от получения *нешкеш*, способствовала частой сменяемости патриархов и их многократным возвращением на кафедру — от двух до семи раз в XVII–XVIII вв. Обычная практика *ильтизам* ограничивала право откупа временем от

одного года до трех лет, и в это время срок одного пребывания на патриаршем престоле Константинополя составлял от нескольких недель до трех лет, редко превышая этот предел.

Вкупе документы показывают, что в налоговой системе Османского государства в указанное время патриархи, митрополиты и епископы составляли не только иерархические сообщества своих церквей, но три иерархически соподчиненные группы должностных лиц в каждом объекте налогообложения и были обязаны при назначении выплачивать в казну *пейшекеш*, позволявший им получать *берат* и одновременно нести свои канонические обязанности и исполнять фискальные обязательства. Предстоятели Охридской и Печской церквей именуются «патриархами *Ипека и Охри*» от «старых времен» до самой отмены церковной автономии в 1766–1767 гг. Показательно, что сами архиепископы Охрида и Печа в османское время не всегда использовали патриарший титул, предпочитая иные способы указать на поместный статус своей церкви и охват ее диоцеза [Снегаров 1995, 2: 182–210; Југовић 1934: 264–272]. Например, османская надпись в центре печати Игнатия III, неоднократно занимавшего охридскую кафедру в 1693–1703 гг., именует его «настоящим (т. е. действующим) патриархом Охрида», а греческая надпись по краю той же печати содержит традиционный титул «Божией милостью архиепископ Первой Юстинианы» (№ 12). Существование трех патриарших диоцезов, разделенных на митрополии и епархии, которые выполняли функции административно-фискальных округов (*вилайет*, *нахия* и *каза*), придавало всей системе цельный характер. В то же время, система, число и границы диоцезов могли изменяться государством в рамках администрирования налогов.

За позиции иерархии на всех уровнях, как свидетельствуют документы, шла упорная борьба между ставленниками местных состоятельных кланов *зимми* и влиятельных сил в формировавшейся в османской столице общности греческого духовенства-фанариотов. Так, охридский *кади* в 1710 г. рассмотрел жалобу обратившихся в шариатский суд местных *зимми*, которые жаловались, что архиепископскую кафедру занял «некий Кунбаз» (скорее всего, прозвище) «из общности католиков-франков», произвольно заменявший митрополитов и епископов ставленниками «из своего миллета». Возможно, под этим именем был представлен в жалобе многократно занимавший охридский престол с 1706 по 1714 г. грек с о. Хиос Дионисий II. Кади поддержал жалобщиков, и на основании его доклада было принято решение «устранить проявления тирании и восстановить шариатское право» (№ 67). На место «Кунбаза» был назначен многократно возвращавшийся между 1695 и 1710 гг. на охридскую архиепископскую кафедру Зосима II, за которого уплатил «старый» *пейшекеш* в 100 тысяч акче некий *зимми* Янаки (№ 68).

Борьба между церковными элитами с их местными сторонниками и противниками за откуп налогов, разумеется, не исчерпывает конфликтную повестку, отраженную в документах. Выписки из патриарших *бератов* (№ 86) содержат безусловный запрет насильственной исламизации *зимми*. Обвинение Дионисия II в «латинстве», принадлежащее (как и нередкие обвинения кандидатов в патриархи в принадлежности к армянской церкви) к числу обычных «аргументов» в борьбе за право занять патриаршую кафедру, вряд ли следует рассматривать в русле конфликта между православным духовенством и католическим населением на подвластных османам территориях, нараставшего в течение всего освещаемого

в сборнике периода (с. 82). Османские власти брали сторону католиков, когда те становились объектом фискальных притязаний православного духовенства (№ 11). Что в данном случае ими двигало в первую очередь — традиционная имперская политика или защита законных прав всех *зимми*, судить трудно.

Нередко в документах упоминаются криминальные деяния, к которым были причастны представители разных социальных, этнических и конфессиональных групп. Помимо часто упоминаемых злоупотреблений со стороны как османских, так и церковных должностных лиц, заслуживает внимания навязывание янычарами «охранных услуг» митрополитам Скопле и Кюстендила (№ 130, 134, 135). *Зимми* Яни фальсифицировал финансовые документы, чтобы через османский суд взыскать с шуменского епископа несуществующий долг (№ 147). «Некие лица» из мусульманского населения и *зимми* выдвигали ложные обвинения, инициируя судебные разбирательства против видинского митрополита Иеремии (№ 210) и митрополита Чаталджи Никодима (№ 211). Главарем разбойничьей шайки в Боснии был бывший священник Пандели (№ 131), а в митрополии Димотика в такую шайку входил «папас (поп) Никола» (№ 139). Немусульманин Христо Шишман по прозвищу Пирила вершил насилие над единоверными женщинами и девицами (№ 182) и т. п.

Важны и сведения относительно гражданской судебной практики, содержащиеся в публикуемых документах. Постоянство, с которым духовенство требует в своих прошениях невмешательства шариатского суда в семейно-брачные отношения православных подданных, не только связано с требованиями формуляра, но и косвенно подтверждает предположения [Тодорова 2004: 166–167], что в крупных городах и их окрестностях православная *райя* прибегала к османским институтам не только в случаях запрещенных в церкви браков, заключаемых после третьего, и разводов, но и в обычной практике, предпочитая штрафы и сборы, налагаемые кадийскими судами, подателям в пользу православного духовенства (№ 9, 18, 23, 28, 218).

Документы сборника также содержат сведения, позволяющие уточнить детали биографий ряда известных православных иерархов: константинопольских патриархов Дионисия IV, Каллиника II (трижды между 1688 и 1702), Гавриила III (1702–1707), Афанасия V (1709–1711), Иеремии III (1716–1726; 1732–1733), Паисия II (четыре раза между 1726 и 1752), Кирилла V (дважды между 1742 и 1757) и др.; охридских архиепископов Германа (трижды между 1688 и 1703), Иоасафа II (1719–1745), Филофея (1714–1718) и др.; печских патриархов Арсения III Черноевича (1676–1690), Арсения IV Шакабенты (1724–1737, после 1737 г. — на Карловацкой митрополии), Иоанникия III (1739–1746) и др.

Как верно указывают издатели, материалы сборника, отражающего практику одной из османских канцелярий, следует вводить в исследования в обязательном сопоставлении с другими османскими документами, исходящими от кадийских судов и других местных органов власти и управления, а также с нарративными свидетельствами «другой стороны» — самих православных подданных и их духовной иерархии⁸, с частыми для Балкан свидетельствами «третьих сторон» —

⁸ Показательным примером являются ведшиеся в первой половине XVIII в. финансовые записи нишских митрополитов [Хаџи-Васильевић 1936: 35–76]. Этим указанием, как и другим ценным замечаниям, автор обязан Д. Г. Полонскому.

иностранных наблюдателей, и другими источниками. Безусловно, документы налоговой практики в любом обществе являются одним из важнейших свидетельств отношений населения и властей, хозяйственной и социальной жизни, как и уплата налогов во все времена сочеталась с попытками налогоплательщиков уклоняться от них. Долговые обязательства православных иерархов составили к концу XVIII в. особый сегмент рынка вторичных ценных бумаг, а патриаршая касса стала одним из источников ссудного капитала [Лебедев 1903: 356]. Жалобы на отсутствие у православного балканского населения средств в исследуемый период диссонируют с ведшимися на добровольные пожертвования жителей Румелии грандиозными строительными работами в Хиландаре, Зографе, Рильском монастыре (№ 194, 206) и других православных обителях. Постоянный дефицит бюджета Османской империи и заведомо убыточные откупы налогов, которыми, видимо, не в последнюю очередь двигала необходимость, проистекавшая от увязки фискальных и канонических полномочий, создавали долговременный противоречивый фон начинавшихся на Балканах процессов секуляризации социально-культурной жизни и формирования наций.

Книгу следует признать безусловной удачей коллектива составителей и весьма успешным результатом многолетних архивных поисков Красимиры Мутафовой. Издательство «Абагар» в Велико Тырново, накопившее значительный опыт публикации качественной исторической литературы, выпустило в свет издание, привлекающее читателя крупным форматом, умелым макетированием и тщательной редакционной подготовкой текста. Вместе с тем столь объемный труд не лишен отдельных частных недостатков. Так, подстрочные примечания содержат ссылки на сетевые издания и материалы без указания времени доступа, часть ссылок не открывается (с. 55). Ссылки на статьи «Православной энциклопедии» (с. 68, 79, 131 и др.) не содержат названий цитируемых статей и указаний на их авторов, которые в этом издании обычно указаны. Вряд ли уместны в издании такого уровня ссылки на Википедию (с. 124). Цитируемая и упоминаемая литература не сведена в итоговый список, который мог бы стать еще одним ценным приложением к публикации. С учетом тематики публикуемых документов, на наш взгляд, следовало бы вынести в отдельное приложение справку о крайне сложной и запутанной системе денежных единиц, которая существовала в XVII–XVIII вв. в Османской империи.

Делая эти замечания, автор никоим образом не стремится умалить заслугу составителей сборника, давших исследователям возможность общения с ценнейшими историческими источниками, за которыми стоит судьбоносное для миллионов православных подданных Османской империи время ее структурного кризиса и внешнеполитического упадка. Мы уверены, что ожидания всех заинтересованных читателей книги будут в полной мере удовлетворены, а публикуемые документы существенно пополнят фонд востребованных письменных свидетельств истории православных славянских и других балканских народов в османское время.

Библиография

Бердников 1907

Бердников И. С., Каноникон, *Православная богословская энциклопедия*, 8, С.-Петербург, 1907, 401–407.

Воссоединение 2019

Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью, 1676–1686 гг.: исследования и документы, Москва, 2019.

Југовић 1934

Југовић М., Титуле и потписи архиепископа и патријараха српских, *Богословље*, 9/3, 1934, 253–272.

Лебедев 1903

Лебедев А. П., *История Греко-восточной Церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего времени*, С.-Петербург, 1903.

Мутафова 2013

Мутафова К., *Религија и идентичност (христијанство и ислям) по българските земи в османската документация от XV–XVIII век*, Велико Търново, 2013.

Мутафова, Калицин, Андреев 2019

Мутафова К., Калицин М., Андреев С., *Православни структури на Балканите през XVII–XVIII век съгласно документи от Истанбулския османски архив*, Велико Търново, 2019.

Рансимен 2006

Рансимен С., *Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1812 г.*, перевод с англ. Л. А. Герд, С.-Петербург, 2006.

Снегаров 1995, 1–2

Снегаров И., *История на Охридската архиепископия*, 1–2, Второ фототипно издание, София, 1995.

Тодорова 2004

Тодорова О., *Жените от Централните Балкани през Османската епоха (XV–XVII век)*, София, 2004.

Хаџи-Васиљевић 1936

Хаџи-Васиљевић Ј., Тевтери Нишке митрополије, *Зборник за историју Јужне Србије и суседних области*, 1, Скопље, 1936, 35–76.

Шулетић 2010

Шулетић Н., Подаци о бератима архијереја Пећке и Охридске архиепископије у дефтеру прихода канцеларије црквених муката (ВОА, кк. 2542-33), *Српске студије*, 1, 2010, 177–194.

——— 2011

Шулетић Н., Српска црква после 1459, *Пад Српске деспотовине 1459. године*, Београд, 2011, 331–348.

Kenanoğlu 2011

Kenanoğlu M., Is Millet System a Reality or a Myth? The Legal Position of the Non-Muslim Subjects and Their Religious Leaders in the Ottoman Empire, *Türk Hukuk Tarihi Araştırmaları*, 12, İstanbul, 2011, 17–38.

Konortas 1999

Konortas P., From tâ'ife to Millet: Ottoman Terms Concerning the Ottoman Greek Orthodox Community, *Ottoman Greeks in the Age of Nationalism: Politics, Economy and Society in the Nineteenth Century*, Princeton, N.J., 1999.

Pamuk 2000

Pamuk Ş., *A Monetary History of the Ottoman Empire*, Cambridge (UK), 2000.

Papademetriou 2015

Papademetriou T., *Render unto the Sultan: Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries*, New York, 2015.

References

Jugović M., Titule i potpisi arhiepiskopa i patrijaraha srpskih, *Bogoslovje*, 1934, 9/3, 253–272.

Kenanoğlu M., Is Millet System a Reality or a Myth? The Legal Position of the Non-Muslim Subjects and Their Religious Leaders in the Ottoman Empire, *Türk Hukuk Tarihi Araştırmaları*, 12, Istanbul, 2011, 17–38.

Konortas P., From tâ'ife to Millet: Ottoman Terms Concerning the Ottoman Greek Orthodox Community, *Ottoman Greeks in the Age of Nationalism: Politics, Economy and Society in the Nineteenth Century*, Princeton, N.J., 1999.

Mutafova K., *Religiya i identichnost (hristijanstvo i islyam) po balgarskite zemi v osmanskata dokumentatsiya ot XV XVIII vek*, Veliko Tarnovo, 2013.

Mutafova K., Kalitsin M., Andreev S., *Pravoslavni strukturi na Balkanite prez XVII–XVIII vek saglasno dokumenti ot Istanbulskiya osmanski arhiv*, Veliko Tarnovo, 2019.

Pamuk Ş., *A Monetary History of the Ottoman Empire*, Cambridge (UK), 2000.

Papademetriou T., *Render unto the Sultan: Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries*, New York, 2015.

Runciman S., *The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from the Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence*, translated by L. Gerd, St. Petersburg, 2006.

Snegarov I., *Istoriia na Okhridskata arhiepiskopiia*, 1–2, Second edition, Sofia, 1995.

Todorova O., *Zhenite ot Tsentralnite Balkani prez Osmanskata epoha (XV–XVII vek)*, Sofia, 2004.

Hadži-Vasiljević J., *Tevteri Niške mitropolije, Zbornik za istoriju Južne Srbije i susednih oblasti*, 1, Skopje, 1936, 35–76.

Šuletić N., Podaci o beratima arhijereja Pečke i Ohridske arhiepiskopije u defteru prihoda kancelarije crkvenih mukata (BOA, kk. 2542–33), *Srpske studije*, 2010, 1, 177–194.

Šuletić N., *Srpska crkva posle 1459, Pad Srpske despotovine 1459. godine*, Belgrade, 2011, 331–348.

Дмитрий Игоревич Полывянный, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра интеграции науки и образования Ивановского государственного университета
153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
Россия / Russia
dipol53@mail.ru

Received July 25, 2020